

Вадим Волобуев

Москва, Россия

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ И ОХЛАЖДЕНИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ 1950-Х ГГ.

В 1956 г. Польская народная республика пережила глубокий политический кризис. Начавшись как процесс десталинизации, этот кризис быстро приобрёл антисоветскую окраску: польское общество выступило за освобождение страны из-под влияния СССР. И хотя данное стремление не всегда шло рука об руку с отрицанием социализма, накал страстей был таков, что советское руководство решилось двинуть на Варшаву танки, чтобы не допустить возвращения к руководству партией Владислава Гомулки, который был снят с поста генерального секретаря в 1948 г. за несогласие с политикой И. В. Сталина. Проведённые советской и польской партийными верхушками экстренные переговоры в Варшаве 19 октября 1956 г. позволили разрядить ситуацию: делегация ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым вынуждена была согласиться на занятие В. Гомулкой поста первого секретаря ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП), а Гомулка дал гарантии того, что ПНР останется в составе Организации Варшавского договора. На такую уступчивость, как считали некоторые члены ЦК ПОРП, Советский Союз подвигла позиция Компартии Китая, которая ещё в январе 1956 г. устами председателя Госсовета Чжоу Эньлая выступила против механического переноса советского опыта строительства социализма в Китай (а значит – и в другие страны), и в дальнейшем всё более открыто критиковала «великодержавный шовинизм» СССР¹. Именно предостерегающие жесты со стороны Китая, по мнению ряда польских и китайских высокопоставленных лиц, уберегли ПНР от советской интервенции в октябре 1956 г. Так, первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охав (занимавший этот пост с марта по октябрь 1956 г.) спустя много лет прямо говорил в интервью: «...я убеждён, что если бы Китай вовремя не прислал своего предупреждения, дело дошло бы до интервенции»

¹ А. С. Стыкалин, *Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г.* // *Российско-польский исторический альманах*, вып. 4, Ставрополь–Волгоград–Москва 2009, с. 82, 98–100.

и...»². Того же мнения держался и многолетний секретарь ЦК, историк партии А. Верблян³. Тем не менее, по сей день неизвестны какие-либо предупреждения руководства КПК, высланные в Москву. Мы знаем лишь, что Мао Цзедун и КПК были в 1956 г. весьма популярны в Польше, причём, не только среди реформаторов, но и среди сталинистов. Первым они импонировали своими обновленческими идеями в области идеологии и экономики (кампания «ста цветов»), вторым – весьма настороженным отношением к антисталинским разоблачениям Хрущёва⁴. В ходе польско-советских переговоров в Варшаве 19 октября 1956 г. ссылок на мнение «китайских товарищей» не звучало, равно как и во время заседаний Президиума ЦК КПСС тех дней. Однако то, что китайский фактор принимался во внимание, подтвердил сам Н. С. Хрущёв, который признался в мае 1957 г. польскому послу, что лишь после встречи 23 октября 1956 г. с делегацией КПК в Москве в преддверии совещания компартий стран «народной демократии» он отбросил мысль о силовом вмешательстве во внутренние дела Польши⁵.

Выражая свою поддержку Польше, китайские руководители исходили из установки о порочности советского диктата в коммунистическом движении (что не мешало им выступать за признание морального лидерства СССР в этом движении). Главным их требованием было равноправие всех социалистических стран. В своей критике СССР китайское руководство строго соблюдало определённые границы и совсем не приветствовало резкое ослабление советского влияния в Центральной Европе. Например, КПК осудила призывы убрать советские войска из Польши и негативно восприняла снятие К. К. Рокоссовского с должности министра обороны ПНР⁶. Однако польская верхушка, невзирая на эти оговорки, была так воодушевлена китайской поддержкой, что 28 октября 1956 г. направила в Пекин письмо благодарности и приглашение посетить Польшу. Ответом на это письмо стал визит в Варшаву Чжоу Эньлая в январе 1957 г.

Столь тёплые взаимоотношения двух стран не являлись препятствием для критики Гомулки в Китае. Мао Цзедун по-прежнему считал польского лидера правым уклонистом и националистом (повторяя обвинения 1948 г.) и принимал меры, чтобы не допустить распространения польского примера на положение в КПК. Особенно явственным это стало осенью 1957 г., когда в Китае была свёрнута кампания «ста цветов» и была объявлена борьба с ревизионизмом⁷. Добившись расширения самостоятельности членов советского блока, китайское руководство считало свою задачу выполненной и совсем не желало ухуд-

² T. Torańska, *Oni*, Warszawa 2004, с. 89.

³ A. Werblan, *Chiny a Polski Październik*, «Dziś» 2006, № 10, с. 123–124.

⁴ А. С. Стыкалин, *Позиция руководства КПК*, с. 84.

⁵ Там же, с. 91.

⁶ Там же, с. 95–96.

⁷ Там же, с. 100.

шения отношений с СССР. Напротив, осенью 1957 г. произошло новое сближение двух держав: был подписан секретный договор о военном сотрудничестве СССР и Китая, а Мао Цзедун выступил на совещании коммунистических и рабочих партий в Москве с предложением включить в текст заключительной декларации упоминание о ведущей роли Советского Союза в мировом коммунистическом движении. Польская делегация отнеслась прохладно к этой идее. Китайский посол в Варшаве Ван Бинь-нань позднее сообщал советскому послу П. А. Абрагимову о беседе Мао и Гомулки в кулуарах совещания.

Мао Цзедун привёл такой пример: на каждом заводе есть директор, в каждом цехе есть начальник цеха, почему же тогда у стран социалистического лагеря не может быть руководителя? Мао Цзедун добавил, что в самой Польше Гомулку признают руководителем. На это Гомулка ответил, что если бы ПОРП выдвинула положение о руководящей роли Советского Союза, то оно не было бы принято народом. Мао Цзедун подчеркнул в свою очередь, что народ можно и нужно воспитывать⁸

(примечательно, что тот же тезис о неприятии поляками руководящей роли СССР Гомулка повторил в мае 1969 г. в беседе с румынским вождём Н. Чаушеску⁹).

С 1958 г. начинается постепенное охлаждение советско-китайских отношений, вызванное стремлением Китая играть всё более независимую роль в мировом коммунистическом движении. Открытый конфликт разразился в июне 1960 г. на съезде Румынской рабочей партии в Бухаресте, где с разгромной речью выступил Н. С. Хрущёв (присутствовавший там в качестве гостя).

В этом конфликте ПОРП с подачи Гомулки заняла однозначно просоветскую позицию, причём, польский лидер не жалел резких слов по адресу китайцев, обрушиваясь на них с инвективами вполне в духе Хрущёва. Думается, больше всего первого секретаря ЦК ПОРП рассердила именно внезапность конфликта и необъяснимость, с его точки зрения, поведения китайской компартии. Добившись расширения суверенитета для Польши (но соглашаясь при этом играть роль «младшего брата» СССР), Гомулка не понимал, почему КПК раз за разом ставит вопросы идеологического характера. Для него было неясно такое упорное стремление Китая оспаривать те или иные постулаты политики СССР и особенно стремление всячески затушевать эффект от антисталинских мероприятий Хрущёва. XX съезд КПСС, давший начало десталинизации, вызвал в Польше ту лавину, которая вернула Гомулку к власти. Естественно, польский лидер и не думал покушаться на его постановления. Претендовать на нечто большее, превращаться в этакий аналог Югославии с её совершенно самостоятельной линией поведения Польше было противопоказано: Советский Союз был главным гарантом новых западных границ страны. В Китае дело обстояло

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0122, оп. 42, пор. 8, п. 352, д. 035, л. 2–3.

⁹ Archiwum Akt Nowych (AAN), XIA/58, к. 221–223.

иначе. XX съезд сам по себе не слишком повлиял на внутреннее положение. Китай решал совсем другие задачи: располагая громадным потенциалом, он стоял на пороге превращения в сверхдержаву. Соответственно велики были и амбиции его руководства. Не держаться за добытое, а покорять новые рубежи – вот к чему был призван Китай. Поэтому его правящая верхушка, активно выступая за консолидацию коммунистического движения вокруг СССР, столь же активно ратовала и за равноправие всех стран социалистического лагеря, то есть – за их право предпринимать независимые шаги в области идеологии, экономики и международной политики. Делегаты второго совещания коммунистических и рабочих партий, собравшиеся в Москве в ноябре 1960 г., подозревали, что неизменное подчёркивание КПК лидирующей роли СССР в этих условиях лишь маскирует желание китайцев перевести централизованное руководство движением в Пекин, когда станет понятно, что советские вожди не справляются с данной ролью. Не случайно Мао Цзедун заявил в те дни: «Центр мировой революции находится в Китае»¹⁰.

В. Гомулка использовал ноябрьское совещание 1960 г., чтобы развенчать китайские тезисы. «Не может быть никакой китаизации марксизма, – гремел он с трибуны. – Марксизм-ленинизм един и неделим!». Далее он заявил: поскольку ядерный щит СССР прикрывает весь социалистический лагерь, то его члены обязаны координировать свои внешнеполитические инициативы с интересами Советского Союза (сам того не подозревая, первый секретарь ударил по болевой точке советско-китайских отношений, поскольку ещё в июне 1959 г. советское руководство отказалось делиться с Китаем ядерными секретами¹¹). Гомулка объявил о недопустимости вынесения внутренних разногласий между компартиями на всеобщее обозрение и проведения линии, отличной от линии большинства «братских» партий в международных организациях. Также он взял под защиту тезис о мирном сосуществовании двух лагерей, отвергаемый КПК, и высказался о значении XX съезда КПСС, который «спас международное рабочее движение от последствий [сталинских – В.В.] искажений»¹². Китайские делегаты во главе с председателем КНР Лю Шаоци пытались воздействовать на Гомулку в личной беседе, напомнив ему о 1956 году. Разговор, однако, вышел крайне нервным: Гомулка был раздражён советско-китайским конфликтом и постоянно прерывал собеседников. Между прочим, Гомулка вспомнил об Албании – единственной союзнице Китая в Европе. Поведение её вождя Э. Ходжи на данном совещании польский лидер назвал хулиганским. Лю Шаоци возражал: разве критика Ходжой Советского Союза в чём-то отлична от той, которую высказывал сам Гомулка в беседе с Чжоу Эньлаем в январе 1957 г.? И разве положение Албании сейчас в чём-то разнится с положением

¹⁰ Д. Боффа, *История Советского Союза*, т. 2, *От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв*, М., 1994, с. 517–518.

¹¹ Там же, с. 513.

¹² ААН, ХИА/5, к. 226–263.

Польши в 1956 г.? Гомулка отвечал: во-первых, таких слов, как Ходжа, поляки никогда не употребляли, во-вторых, члены ПОРП критиковали советских товарищей не во всеуслышанье, а в-третьих, Албания и так получила от СССР больше, чем кто бы то ни было – стыдно должно быть «албанским товарищам» за такую неблагодарность! И вообще, продолжал Гомулка, как можно сравнивать Албанию и Польшу? В Албании процветает махровый сталинизм, людей убивают без суда на улицах, а на ком это отзывается? На международном коммунистическом движении, на его репутации! Отверг польский лидер и обвинение в великодержавном шовинизме, которое китайцы выдвигали по адресу СССР: дескать, когда-то это и впрямь было проблемой, но теперь с ней покончено¹³ (интересно, что позднее, в 1970-е гг., уже находясь в отставке, Гомулка сам себе возразил на страницах мемуаров и вновь заклеил КПСС, заявив, что она поддалась великорусскому шовинизму¹⁴).

Нарастающие противоречия отразились и на взглядах китайского и советского руководств на положение в Польше. Произошёл как бы поворот на 180 градусов: «советские товарищи» выразили полную поддержку Гомулке во всех его начинаниях, зато сотрудники китайского посольства всё более прислушивались к мнению «догматиков», слепо приверженных сталинскому образцу социализма и обвинявших первого секретаря в отходе от единственно правильного пути.

Решительное наступление «догматики» предприняли в марте 1958 г., используя для этого трибуну XI пленума ЦК ПОРП. Прежде, однако, они решили заручиться поддержкой Москвы и Пекина. 28 января 1958 г. советское посольство посетил председатель Ревизионной комиссии ЦК ПОРП С. Матушевский (в сталинские годы возглавлявший Административный отдел ЦК). Он представил послу П. А. Абрасимову целый список обвинений против Гомулки, заявив, в частности, что в стране падает жизненный уровень рабочих, прекращено строительство новых предприятий (а это грозит безработицей), в то время как на селе растёт расслоение.

Если партия... – говорил Матушевский, – не возьмёт по-настоящему в свои руки вопросы сельского хозяйства и не примет мер по предупреждению усиления кулацких и середнекрестьянских хозяйств, то это неизбежно приведёт к ещё большему классовому расслоению деревни и её обогащению за счёт ухудшения положения рабочего класса, что может создать реальную угрозу рабоче-крестьянскому союзу.

Далее Матушевский заявил:

В руководстве партии имеются люди, которые сознательно стремятся сохранить ревизионистов в партии. На мой [Абрасимова – В.В.] вопрос, кого он имеет в виду, Матушев-

¹³ Там же, к. 37–55.

¹⁴ W. Gomułka, *Pamiętniki*, т. 1, Warszawa 1994, с. 370–371.

ский прямо не ответил, но дал понять, что это делают люди непольской национальности, но близко стоящие к Гомулке.

Гость также сообщил послу, что на ближайшем пленуме с Гомулки спросят, почему он сохранил ревизионистов в партии, а также потребуют отчёта о ноябрьско-декабрьском совещании компартий в Москве.

В ходе беседы Матушевский заметил, что ЦК ПОРП ведёт политику сохранения провалившихся и скомпрометированных партийных кадров непольской национальности, переставляя их с места на место на ответственных участках партийной и государственной работы... Гомулка ничего не делает для того, чтобы пересмотреть и укрепить аппарат ЦК ПОРП политически стойкими и преданными делу строительства социализма кадрами. Он [Матушевский – В.В.] сообщил, что из 30 заведующих, заместителей заведующих и секретарей комиссий ЦК ПОРП 21 человек является евреем по национальности. На ответственных участках идеологического фронта, начиная с ЦК ПОРП и кончая редакциями многих газет и журналов, а также в руководстве Польского радио, как правило, стоят лица непольской национальности, которые и определяют идеологическую линию партии. Больше того... и среди членов ЦК ПОРП имеется значительная группа евреев, которые заранее уславливаются и проводят свои предложения в решениях пленумов.

Нарисовав столь апокалиптическую картину, Матушевский, должно быть, думал, что посол тут же отправит соответствующее уведомление в Москву, а его самого заверит в дружеских чувствах и поблагодарит за ценную информацию. Так бы, конечно, и случилось, если бы дело происходило до 1956 г., когда советское руководство выражало обеспокоенность большим присутствием евреев в высших эшелонах власти в Польше. Но теперь ситуация изменилась, и Абрагимов лишь посоветовал Матушевскому донести свою озабоченность до Гомулки, и выразил убеждённость, что всем партийным кадрам нужно сейчас сплотиться вокруг первого секретаря. Матушевский с неохотой согласился с ним, явно опешив от такого ответа¹⁵.

Куда больше понимания «догматики» нашли в китайском посольстве, о чём без обиняков сообщил Абрагимову Ван Бинь-нань. Добрые взаимоотношения, существовавшие тогда между Советским Союзом и Китаем, способствовали большой откровенности двух дипломатов: из частых визитов Ван Бинь-наня к Абрагимову в 1958 г. вообще складывается впечатление, что китайский коллега пытался как-то координировать действия с советским послом (такой доверительности, возможно, способствовало и то, что Абрагимов в 1956–1957 гг. занимал должность посланника-советника в Пекине). 15 марта 1958 г. Ван Бинь-нань передал Абрагимову мнение «догматиков» о только что состоявшемся пленуме ЦК ПОРП. На этом пленуме один из лидеров данной группировки, заместитель министра труда и соцобеспечения В. Клоевич выступил с критикой экономического доклада С. Ендрыховского (члена Политбюро, воз-

¹⁵ АВП РФ, ф. 0122, оп. 42, пор. 8, п. 352, д. 035, л. 9–16.

главлявшего Комиссию по планированию при Совмине). Клоевич также задал вопрос руководству, почему польская делегация не хотела включать фразу «во главе с Советским Союзом» в заключительную декларацию Московского совещания компартий мира. Выступавшего поддержал целый ряд членов ЦК из числа «догматиков», однако это не спасло «возмутителя спокойствия» от расправы – он был исключён из ЦК и потерял должность в министерстве (его соратник С. Матушевский был понижен до рядового члена Ревизионной комиссии). Тем не менее, по словам Ван Бинь-наня, «догматики» вовсе не считали, что потерпели поражение на партийном форуме.

Положительная роль пленума [по мнению «догматиков» – В.В.] сводится к следующему: во-первых, была подвергнута критике ошибочная, ревизионистская линия руководства ПОРП; во-вторых, в результате этой критики внесены частичные изменения в решения XI пленума, было принято решение о Московской декларации представителей коммунистических и рабочих партий.

Далее Ван Бинь-нань поведал Абрасимову о состоявшейся сразу после пленума его встрече с членом Политбюро Э. Охабом (именно Э. Охаб в сентябре 1956 г. летал на съезд КПК и сообщил китайскому руководству о ситуации в Польше. Его визит стал важнейшим событием в налаживании польско-китайского сотрудничества в то время). Выяснилось, что Охаб целиком разделял точку зрения Гомулки на происходящее: главной опасностью он тоже считал ревизионизм, а что касается «догматиков», то их, по мнению Охаба, можно было разделить на две группы – противников Хрущёва и противников Гомулки. Охаб дал своё объяснение стойкому неприятию польским руководством лозунга «во главе с Советским Союзом»: 1. этот лозунг напрочь отвергали крестьяне, составлявшие большинство населения страны, а также значительная в Польше мелко-буржуазная прослойка; 2. многие партийцы не хотели признавать руководящую роль СССР, памятуя о роспуске Компартии Польши в 1938 г. (почти все лидеры которой были репрессированы); 3. неприязнь к такому лозунгу – это также наследие октябрьских событий 1956 г.; 4. нельзя было сбрасывать со счетов и историческую память поляков, которая традиционно была настроена против России. Ван Бинь-нань возразил Охабу, что выпячивание исторической памяти потворствует национализму (перифразировав, таким образом, тезис Мао Цзедун о необходимости воспитания народа). Далее китайский посол, беседа в Абрасимовым, принялся сравнивать СССР и Польшу.

Мао Цзедун неоднократно указывал, что вопрос «кто кого» решён окончательно только в СССР. Вопрос «кто кого» является вопросом частной собственности и только в СССР полностью уничтожена частная собственность. В Польше этот вопрос далёк от разрешения, если принять во внимание, что позиции частной собственности в городе и деревне весьма прочны. Ван Бинь-нань далее сказал, что с кем бы вы ни заговорили, приехав в СССР, вы почувствуете единую точку зрения различных людей на принципиальные вопросы внутренней и внешней политики. В Польше вы всюду чувствуете, что единой

точки зрения не существует, что разные люди могут высказывать принципиально противоположные точки зрения на один и тот же вопрос внутренней или международной политики.

Китайский представитель привёл такой немислимый для Советского Союза случай: первый секретарь китайского посольства Лю Цзюнь-лян недавно посетил город Радом по случаю 13-й годовщины его освобождения.

Торжественное собрание прошло с большим подъёмом. Раздавались лозунги: «Да здравствует лагерь социализма во главе с Советским Союзом!», «Да здравствует товарищ Хрущёв!», «Да здравствует товарищ Мао Цзедун!». Но когда первый секретарь посольства Лю Цзюнь-лян бросил лозунг «Да здравствует товарищ Гомулка!», его в зале не поддержали¹⁶.

Ван Бинь-нань не скрывал от Абрасимова своего скептического отношения к польскому лидеру. 17 января 1958 г. он заявил советскому послу, «что, вероятно, Гомулка повторяет свои прежние ошибки, совершённые ещё в 1948 г. В ПНР, продолжал посол, только говорят об изучении сельскохозяйственного опыта СССР, а фактически перенимают опыт Югославии»¹⁷. На очередной встрече, состоявшейся 14 ноября 1958 г., Ван Бинь-нань опять заявил, что Гомулке «по прежнему присущи некоторые тенденции правого уклона». Абрасимов возразил на это: «Гомулка – самая сильная и влиятельная фигура в ПНР... он честный коммунист и его надо поддерживать», добавив:

так называемые догматисты, среди которых есть и старые коммунисты, по существу занимаются фракционной деятельностью, критиканством, не помогают Гомулке и всё это на руку ревизионистам. Ван Бинь-нань, согласившись со мной [Абрасимовым – В.В.], заметил, что надо бы чаще встречаться с этими так называемыми догматиками и разъяснять им суть дела. [Я – В.В.] ответил, что это личное дело Посла, я же считаю, что это внутреннее дело ПОРП¹⁸.

Невзирая на такое расхождение во взглядах, китайский посол и в дальнейшем продолжал наносить визиты в советское представительство, хотя уже не так часто. Ещё 25 января 1960 г., всего за несколько месяцев до обличительной речи Хрущёва в Бухаресте, Ван Бинь-нань подробно проинформировал Абрасимова о грядущих перестановках в ЦК ПОРП. Советский посол выразил удовлетворение намеченными отставками ряда наиболее рьяных реформаторов и повышением в должностях людей консервативного склада¹⁹.

Были, однако, в позициях двух послов и точки соприкосновения. Это относится прежде всего к реформаторам в составе польской верхушки. В польских

¹⁶ Там же, л. 60–65.

¹⁷ Там же, л. 7.

¹⁸ Там же, л. 175–176.

¹⁹ Там же, оп. 43, пор. 27, п. 360, д. 180, л. 2.

условиях того времени реформаторы представляли собой бывших сталинистов, которые в конце 1956 г. круто поменяли свою линию и начали отстаивать даже более либеральные взгляды, чем Гомулка. В отличие от «догматиков», слепо приверженных советской модели социализма, реформаторы много рассуждали о польской специфике и выражали полную поддержку Гомулке. Тем не менее, будучи в прошлом его гонителями, они не вызывали доверия первого секретаря и постепенно отодвигались от власти. Как видим из беседы дипломатов, советский и китайский послы приветствовали такую политику. Самой раздражающей фигурой для обоих послов являлся секретарь ЦК Е. Моравский, ответственный за работу с молодёжью, культуру и внешние партийные связи. К примеру, 11 ноября 1958 г. во время той самой беседы, где дипломаты не сошлись во мнениях насчёт «догматиков», оба они выразили своё отрицательное отношение к Моравскому.

Ван Бинь-нань назвал Моравского двуличником за то, что последний до VIII пленума ПОРП [в октябре 1956 г. – В.В.] выступал с резкой критикой в адрес В. Гомулки, а после VIII пленума «преобразился». [Ван Бинь-нань – В.В.] обвинил его в роспуске Союза польской молодёжи (СПМ), ревизионистском, антинационалистическом [? – В.В.] и антисоветском разгуле польской печати, анархии в культуре, при этом он вспомнил, что продажный польский писатель Хласко получил в своё время премию не без ведома Моравского. Кроме того, по словам Посла, Моравский выступал против смертного приговора Имре Надю.

Досталось в том разговоре и неформальному лидеру реформаторов, члену Политбюро Р. Замбровскому, которого Ван Бинь-нань «обвинил в исключении из партии и снятии с работы многих честных старых коммунистов». Все эти выпады не встретили возражений у Абрасимова²⁰. В другой беседе, состоявшейся 31 марта 1958 г., послы обсудили положение дел в редакции органа ЦК ПОРП газеты «Трыбуна люду». Ван Бинь-нань со слов жены передал Абрасимову мнение сотрудницы газеты А. Сольской (супруги вице-преьера П. Ярошевича), которая якобы заявила, что «в редакции нет необходимости проводить кампанию по чистке партии, так как там нет нежелательных лиц и некого чистить». Абрасимов на это заметил, «что первым таким нежелательным лицом является сам главный редактор Касман». Ван Бинь-нань согласился с ним и добавил, что «супруга Ярошевича естественно находится под влиянием мужа, „который занимает центристские позиции“»²¹.

Заметим, кстати, что у реформаторов хватало обвинителей в советском представительстве и без китайского посла. Так, 9 января 1959 г. немало негатива вылил на них глава парторганизации варшавского отделения Союза польских литераторов (СПЛ), заместитель члена ЦК ПОРП Е. Путрамент. Он

²⁰ Там же, л. 175–176.

²¹ Там же, оп. 42, пор. 8, п. 352, д. 035, л. 79.

поделился с Абрасимовым впечатлениями о недавнем съезде Союза, где была подвергнута резкой критике деятельность цензуры. Путрамент

обвинил ответственных товарищей в партии в том, что они занимают примиренческую позицию по отношению к отдельным «гнилым, наносящим вред» польским писателям, что отсутствие в партии единого мнения о польском литературном творчестве не способствует идейному укреплению рядов литераторов, ослабляет влияние партии в их среде. Путрамент выделил группу Жулкевского, Данилевича [руководители Отдела культуры в ЦК ПОРП – В.В.] и поддерживающего их Моравского, которая проповедует политику невмешательства в дела польских писателей, надеясь, что они постепенно вращаются в социализм²².

Солидаризировались в своём отношении к реформаторам также и лица из ближайшего окружения Гомулки. 11 сентября 1959 г. на квартире посла прошла встреча Абрасимова с членами Политбюро З. Клишко и И. Лёга-Совиньским (оба они подверглись репрессиям при Б. Беруте и вернулись во власть вместе с Гомулкой). Клишко поделился с послом мнением, что

наиболее сложным и тяжёлым участком продолжают оставаться идеологические вопросы, что лично он и другие члены Политбюро считают нетерпимым положение в польской печати... Он плохо отозвался о газете «Трибуна люду» и её редакторе Касмане, заявив, что «это далеко не боевой орган Центрального Комитета партии». Поддержанный Лёга-Совиньским, Клишко сказал, что Моравский со своими обязанностями по руководству идеологическим фронтом явно не справляется и что время поставить вопрос о создании комиссии из членов Политбюро по руководству вопросами идеологии... Тут же он сообщил, что Моравский в текущем году половину своего отпуска провёл в Австрии, и на вторую половину отпуска поехал в Италию, хотя его туда никто не приглашал.

Прошёлся Клишко и по воспитательной работе с молодёжью, которую тоже курировал Моравский. Абрасимов заинтересовался, правда ли, что снятый со своего поста «за ревизионизм» бывший главный редактор теоретического органа ЦК ПОРП журнала «Нове дроги» Р. Вэрфель получил должность секретаря по пропаганде воеводского комитета партии во Вроцлаве, где верховодил другой реформатор – В. Матвин.

Товарищ Клишко ответил, что действительно на днях он узнал, что во время отпуска товарища Гомулки, Клишко и других членов Политбюро Моравский и Матвин протаскивали Вэрфеля на пост секретаря Воеводского комитета ПОРП, что этим очень возмущался по приезде из отпуска Гомулка и они намерены пересмотреть на Политбюро это назначение²³.

Наконец, и сам Гомулка очень чётко определил своё отношение к двум противоборствующим группировкам в ЦК на встрече с венгерской партийно-пра-

²² Там же, оп. 43, пор. 9, п. 358, д. 035, л. 4.

²³ Там же, л. 51–53.

вительственной делегацией в марте 1960 г. (о содержании беседы поведал Абрахимову посол Венгрии Я. Катона 24 марта 1960 г.):

Говоря... о Моравском, Гомулка охарактеризовал его как ревизиониста и как человека, который несёт основную ответственность за положение на идеологическом фронте. Гомулка якобы сказал, что в ПОРП была также группа людей, выступавших против КПСС и лично товарища Н. С. Хрущёва, однако теперь и она полностью отошла от своих прежних взглядов²⁴.

Под «группой людей» первый секретарь имел в виду конечно же «догматиков». Действительно, к 1960 г. они почти сошли со сцены. У власти остались лишь те, кто целиком и полностью принял точку зрения партийного лидера. Но всё же, прежде чем признать своё поражение, «догматики» предприняли попытку донести свои взгляды непосредственно до руководства КПСС, действуя через голову советского посла, который был настроен к ним явно недоброжелательно. Своим эмиссаром они выбрали главу католической проправительственной организации «Товарищество ПАКС» Б. Пясецкого. ПАКС, созданный в послевоенные годы, зарекомендовал себя как послушное орудие власти, умело действующее во вред польскому епископату. Опираясь на сплав христианских и социалистических идей, ПАКС неизменно поддерживал все мероприятия партии, направленные против католической иерархии, считая эту иерархию реакционной и антинациональной (поскольку она подчинялась Ватикану). Верхушка ПАКСа имела тесные связи с Политбюро ЦК ПОРП. В ходе кризиса 1956 г. ПАКС ориентировался на консервативное крыло ЦК ПОРП, т.е. на тех, кого в скором будущем стали называть догматиками. При этом организация была на хорошем счету у советских дипломатов. Автор информационной справки о ПАКСе, составленной для IV Европейского отдела МИД СССР в марте 1960 г., отметил, что

паксовские газеты и журналы были в то время [в 1956 г. – В.В.] одними из немногих, которые не только не печатали откровенно антисоциалистические и антисоветские материалы, но наоборот, во многих случаях выступали объективно в защиту достижений социалистического строя в стране и основ польско-советской дружбы²⁵.

Похвалы от советского дипломата удостоился и Б. Пясецкий, который, по словам автора справки, проявил себя в 1956 г. «как реально мыслящий деятель, здраво оценивающий опасность разнузданной антисоциалистической и антисоветской кампании...»²⁶. Не могло не импонировать советской стороне также и то, что «все звенья ПАКС сотрудничают на местах с правлениями Общества польско-советской дружбы (ОПСД), принимая активное участие во всех про-

²⁴ Там же, л. 26.

²⁵ Там же, оп. 45, пор. 46, п. 374, д. 720/13, л. 34.

²⁶ Там же, л. 35.

водимых этим Обществом мероприятиях. Кружки членов Общества созданы при всех отделениях ПАКС в стране»²⁷. Удаление из Политбюро в октябре 1956 г. лидеров консервативного фланга не могло прийтись по душе этой организации. В информационной справке советского посольства говорится:

Оценивая направление и характер общественно-политической деятельности ПАКС после октябрьских событий [1956 г. – В.В.], а также в свете некоторых принципиальных моментов политики руководства ПОРП более позднего времени, необходимо подчеркнуть, что эта деятельность имеет определённые черты своеобразной оппозиции. Это особенно рельефно выступало в течение 1957 года, когда ПАКС резко негативно оценивал многие основные положения «польского пути к социализму»²⁸.

Работник советского посольства отметил также, что

линия поведения ПАКС в это время не могла быть приемлема для некоторой части польского руководства, которая расценила её как сопротивление установкам VIII пленума ЦК ПОРП [в октябре 1956 г. – В.В.]. Вот почему определенное время отношение к ПАКС характеризовалось явным недоброжелательством и даже были попытки его ликвидировать²⁹.

ПАКС чувствовал себя обманутым.

До 1956 г., – сообщил автор справки, – польское руководство довольно широко использовало различные католические организации и группы, а из них – в первую очередь ПАКС, для укрепления своего влияния на верующих и ослабления позиций католической церкви. Им оказывалась серьёзная материальная и организационная поддержка. Деятельность всех этих объединений постоянно направлялась и руководилась соответствующими инстанциями... В настоящее время польское руководство, очевидно, не придаёт серьёзного значения вопросу использования движения прогрессивных католиков...³⁰.

Неудивительно, что именно Пясецкого противники Гомулки решили отправить в Москву. У бывших и нынешних членов ЦК из числа «догматиков» шансов выбраться в советскую столицу не было – их бы просто не выпустили из страны. Зато поездка главы религиозной проправительственной организации могла быть обставлена как обмен опытом с советскими товарищами в области взаимодействия власти и церкви.

21 марта 1958 г. Пясецкий встретился с послом Абрасимовым и довольно откровенно поведал о своих намерениях. Вначале он рассказал о том, как его организация пережила кризис 1956 г.:

Наиболее острые атаки на ПАКС начались после того, как в конце 1956 г. была опубликована моя [Пясецкого – В.В.] статья «Государственный инстинкт»... В то время нашу

²⁷ Там же, л. 43.

²⁸ Там же, л. 38.

²⁹ Там же, л. 35–36.

³⁰ Там же, л. 48.

организацию пытались ликвидировать в идеологической борьбе. Однако этот план ревизионистов провалился и наша организация, выдержав натиск, не только не ослабла, но значительно окрепла. В дальнейшем... начались попытки ликвидации ПАКС путём финансового нажима на наши предприятия и издательства. Эту борьбу нам вести трудно. Однако мы не намерены отступить и пока преодолеваем материальные трудности. В настоящее время атаки на ПАКС идут по этим двум линиям одновременно. В подобном положении находятся и здоровые силы партии...

Сказав о здоровых силах в партии (т.е о «догматиках»), Пясецкий перешёл к сути дела:

Как это ни странно, но эти настоящие коммунисты в Польше вынуждены быть в оппозиции к ряду принципиальных положений политической линии ПОРП и, как это ни странно, устраниются со своих постов и из руководящих партийных органов. В этой связи Б. Пясецкий сказал, что выступление В. Клосевича и некоторых других членов ЦК ПОРП он считает правильным и нужным... их взгляды поддерживаются довольно широкими слоями низового актива.

Далее Пясецкий сказал: «Я считаю Польшу кораблём, на котором все говорят и спорят о строительстве социализма, а корабль этот плывёт к капиталистическим берегам». Как же изменить такое положение вещей? По мнению Пясецкого

надо найти формы усиления влияния на польскую общественность со стороны советской общественности с тем, чтобы показать польскому народу, что сейчас надо не дискутировать о социализме, а строить социализм... Это воздействие на первых порах должно осуществляться по линии моральной поддержки всех сил Польши, которые последовательно стоят на позициях строительства социализма. Это касается не только здоровых сил в партии, но и всех общественно-политических организаций... По-моему, подчеркнул Пясецкий, это в настоящее время является одной из важнейших задач советской политики в Польше.

Другими словами, Пясецкий настаивал, чтобы Москва сделала ставку на «догматиков» в ущерб Гомулке. Столь же прозрачно Пясецкий поведал и о целях ПАКСа как общественно-политической организации: «Мы ставим задачу подменить Демократическую партию [одну из двух «союзнических» партий, действовавших под эгидой ПОРП – В.В.]... нашей организацией, которая в соответствующий момент может быть превращена в политическую партию». Абрасимов

выразил несогласие с рядом положений, высказанных Пясецким, и в частности, с его оценкой внутривнутриполитической обстановки в ПНР в настоящее время. Кроме того, рекомендовал Пясецкому встретиться с товарищем Гомулкой и рассказать ему о деятельности ПАКСа и тех преследованиях, которым эта организация подвергается.

Впрочем, посол обещал ходатайствовать перед начальством о помощи в розыске 16-летнего сына Пясецкого, похищенного неизвестными в начале

1957 г.³¹ (это было очень тёмное дело, невыясненное до сих пор. Тело сына Б. Пясецкого Богдана со следами насильственной смерти нашли в конце 1958 г.).

Тем не менее, Абрахимов дал добро на выезд Пясецкого в Советский Союз формально для ознакомления с методами сотрудничества власти и католической общественности. Первый заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патолитчев также выразил своё согласие, порекомендовав, однако, узнать точку зрения Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР. Совет немедленно затребовал характеристику на Пясецкого и членов его делегации, предварительный план поездки и цели её организаторов, а также мнение польских властей касательно данного визита. Посольство передало требуемые бумаги, ПАКС выслал развёрнутый план, а вот мнение польских ответственных лиц удалось прояснить лишь после двукратного запроса со стороны Совета (мнение это оказалось положительным). В итоге 27 февраля 1959 г. было вынесено следующее заключение:

Совет по делам религиозных культов рассмотрел материалы, касающиеся приглашения делегации ПАКС в Москву и находит, что этого делать сейчас не следует по следующим соображениям: Во-первых – нельзя обсуждать с Пясецким вопросы, касающиеся внутренней жизни Польши: взаимоотношения между ПОРП и ПАКС, место ПАКС в Польше и др... Очевидно Пясецкий надеется на то, что его поездка в СССР окажет некоторое влияние на ПОРП в решении интересующих ПАКС вопросов. Вступать в переговоры с Пясецким по этим делам не следует. Во-вторых, вопросы, выдвигаемые Пясецким, касающиеся создания общественно-прогрессивного движения светских католиков в Польше и в других социалистических странах, никто, кажется, в СССР не изучал и поэтому не выработано ещё определённой точки зрения на этот счёт... Совет по делам религиозных культов не уверен в том, что товарищ Гомулка, давая согласие на поездку делегации ПАКС в Москву, знал о целях этой поездки³².

Таким образом сорвалась попытка «догматиков» заручиться поддержкой советских властей. С этого времени те из них, кто не отказался от борьбы (а таких осталось совсем немного), сделали ставку на Китай и Албанию. Наиболее активный из «догматиков», бывший секретарь Б. Берута К. Мияль, даже бежал в феврале 1966 г. в Албанию, откуда обратился к соотечественникам через «Радио Тирана» с призывом сбросить ярмо сионистов и ревизионистов. Кроме того, Мияль незадолго перед своим бегством создал подпольную Компартию Польши, в которую вовлёк несколько бывших высокопоставленных партocrats из числа «догматиков». Албанское посольство принялось рассылать от имени этой партии листовки польским чиновникам с резкой критикой Гомулки. Сам Гомулка видел в этих кознях руку китайцев. В мае 1969 г., беседа с Н. Чаушеску, он прямо заявил: Компартия Польши – это организация, созданная албанцами на китайские деньги, а её существование – часть подрывной

³¹ Там же, оп. 42, пор. 46, п. 356, д. 720/13, л. 11–15.

³² Там же, оп. 43, пор. 27, п. 360, д. 180, л. 11–12.

работы, которую КПК ведёт по всему миру с целью распространить свои великодержавные интересы³³. Впрочем, к этому времени «догматики» (за исключением Мияля) сошли со сцены, и деятельность последнего из них выглядела скорее курьёзом.

Таким образом, советско-китайское размежевание конца 1950-х гг. имело своё воздействие на взгляды дипломатов двух стран относительно внутривнутриполитического положения в Польше. Разница в подходах руководств СССР и Китая к проблемам строительства социализма, а также позиция Гомулки в этом конфликте отразились на той линии, которую вели советское и китайское посольства применительно к борьбе группировок в ПОРП. Первоначальный скептицизм Политбюро ЦК КПСС к новому польскому руководству сменился полным одобрением его курса, основанным на негативном отношении к сталинизму. Китайская же дипломатия, смотревшая с подозрением на процессы «оттепели» в Советском Союзе и Польше, склонна была больше прислушиваться к мнению лиц, осуждавших разрыв со сталинской практикой. В 1960-е гг. это вылилось в открытый конфликт ПОРП с КПК и привело к полной утрате Китаем той популярности, которую он приобрёл в Польше в 1956 г.

STRESZCZENIE

WEWNĄTRZPARTYJNA WALKA W POLSCE I OCHŁODZENIE STOSUNKÓW SOWIECKO-CHIŃSKICH W PÓŹNYCH LATACH PIĘCDZIESIĄTYCH XX WIEKU

Artykuł jest analizą poglądów sowieckich i chińskich ambasadorów wobec walki konserwatystów w Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej z kursem Władysława Gomułki przez pryzmat stosunków sowiecko-chińskich w końcu lat pięćdziesiątych XX wieku. Wykazano, że progomułkowskie nastroje w kierownictwie Komunistycznej Partii Chin stopniowo ustąpiły antygomułkowskim w czasie, gdy w sowieckim kierownictwie nastąpiła odwrotna metamorfoza. Na podstawie dokumentów Archiwum Polityki Zagranicznej Federacji Rosyjskiej uwypuklono liczne wizyty wysokich rangą funkcjonariuszy PZPR w ambasadzie ZSRR, podczas których członkowie konserwatywnej frakcji KC PZPR z bliskim im przewodniczącym Stowarzyszenia PAX Bolesławem Piaseckim próbowali wpłynąć na przywódców KPZR w antygomułkowskim duchu.

Słowa kluczowe: ZSRR, PZPR, Władysław Gomułka, Chiny, Bolesław Piasecki.

Ключевые слова: Гомулка Китай СССР ПОРП Пясецкий.

³³ AAN, XIA/5, к. 178–180.